

ВИКТОР ПОВИКОВ

ПРО ФРОЛА

ЛитРес:

Сказка на новый лад

Виктор Новиков

Про Фрола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68678528

SelfPub; 2023

Аннотация

Крестьянин возвращается ночью с ярмарки и видит, как на лесной поляне вокруг странствующего старика собирается огромное число птиц и зверей...

Виктор Новиков

Про Фрола

Про Фрола

(на основе народной сказки о Николае Чудотворце)

Ветер воет. Снаружи избы во всю мощь, во весь голос, а вот в щелях на верехе-чердаке да в потолке – пищит. Тоненько, пойманным комаришей.

Снег кладется ледяной, крупяной, колючий. Сугроб плотный, тяжелый, не пуховое одеяльце из колыбели. Поутру дойдет к окошку, и ох как трудно будет отгребать его от крыльца. Всем придется брать деревянные лопатки с вениками, не отлынешь.

Добрые бревна потрескивают там-тут, сторожа, не выпуская на зимнюю стужу тепло государыни-печки.

Бабушка Анея, как всегда, на лавке у окна. Сидит недвижно, будто спит, не шьет, не вяжет, не прядет – устала. На окошке трепещет огонек, кидая желто-розовый отблеск на инеистое узорочье по ту сторону стеклышка... Ждала так Бабушка Анея кого-то. Всегда в самые темные ночи зажигала свечу и ставила на подоконничек, знак точно подавая. Кого ждала?.. Не отвечала, покачивала только головой в черной

косынке. Молчала, сама уже, похоже, мало веря.

Тишина по избе.

Кажется, вот-вот взаправду кто придет на огонек, застучит в дверь, загрохочет ногами по порогу...

Шорох на печке. Шух-шух, бум!

– Мау! – вопит проснувшийся серо-белый кот, на которого с печи упал валенок, и стрелой бежит под пол.

На печи под шубами смешки – один, другой.

– А ну спать-спать, сорочата! – У печи неслышно вырастает Бабушка Анея. Удивляются внучки, как она, стара, на озорство их всегда вовремя поспеваает. – Спать!.. Почто Плишку-котофея обидели?

Смешки под теплыми шубами да под тулупами из овчины рассыпаются как горошек по полу.

Бабушка Анея хлопает по шубам-тулупам. Цыть, мол!.. А после прикладывает ладонь к беленому печкиному боку – не остыла ль та?

– Бабушка Анея! – зовут с печи, когда опускается Анея обратно на лавку... Выждали ведь. – А Бабушка Анея! Расскажи сказку?

– Ночь-полночь на дворе, какие уж сказки!

– Расскажи-и!

Вздыхает на лавке Бабушка Анея. Берет клубок из туеска, нить, значит, перематывать.

Из-под тулупов и шуб высовываются четыре вихрастые светловолосые головенки. Коль рукоделье, то верно расска-

жет.

– Про Еруслана-кречета сизого, богатыря, и Роланда-рыцаря! – напоминает бабке должок старший внук, самый рослый, самый окаянный. На что Бабушка Анея, улыбаясь, лишь качает как обычно головой.

– Про Ольгу-царевну! – просит внука, втора по старшинству.

– Про дальние страны! Про Белогорье! – перебивает средний внук.

– Про Окинателя и Ердань! – выкрикивает молодшенький.

Вздыхает раз-другой Бабушка Анея, глядя на свечное пламя, будто читая в нем что-то. Красит оно красным лицо ее, молодит волшебю, чтобы смотрели на бабушку в темноте внуки, удивлялись и слушали.

– Об Фролке, соседе, расскажу... – Лицо Бабушки Анеи становится лукавым. Она глядит на печку. – У кого вы яблоны трясли да гусей палками гоняли.

– И на борове Борьке ездили! – хохочет средний внучок и тотчас получает подзатыльник от старшего.

– А про то утром ваша сказка будет.

Внуки сопят, затаившись под тулупами мышатами, Опять бабкой заловлены.

Бабушка Анея улыбается. Уже по-доброму – про Борьку-то она давно знает...

Много чего поперевидали дети из того, чего и не всякий

взрослый сдюжит. Голод, холод, лихих людей. Поэтому долго Бабушке Анее предстоит укрывать-поливать нужные росточки в нежных их душах. Сказки здесь ей хорошо служат.

– Еще до снега с Фролкой это было, – начинает Бабушка Анея, суча нитку. – Вечор он рассказывал. Возле ключа подошел к нам со старухами, помялся, почесался и выдал... Так, мол, и так, любезные баушки.

* * *

Поехал Фрол на ярмарку. Нагрузил с горкой добра аж две телеги, большую и малую.

Не сам, не сам – мужиков из деревни просил. День таскали ему и мешки с мукой-зерном, и корзины с яблоками-медом, грибами-орехом, свеклой-репой. А Фрол спасибо им толком не сказал, лошаденку впряг, привязал рябую свою корову с телем к хвосту обозка и отбыл – прощевайте!.. Мужики-те плюнули и понову зареклись с Фролкой дела делать.

Едет себе по дороге Фролка и видит – старичок на краю леса стоит. Обычный такой, одет по-крестьянски. Бородушка небольшая, шапку в руке держит, зипунишка серенький, рубаха чистая, опрятная. Сума висит, посох ореховый.

А старичок Фролку точно поджидает.

– Здравствуй, – зовет, – мил-человек, в ту ли сторону ярмарка?

– В ту, в ту, – отвечает Фролка. – Тебя, дедко, не повезу. Видишь, еле идет шкапа, не вывозит! – И кнутом лошаденку

хлясь-хлясь.

Так и оставил стоять старика. Услышал лишь, как тот сказал ему в спину:

– Езжай-езжай тогда с Богом.

Надо сказать, по дороге той редко даже пешком ходили, в соседнее село тропками напрямки бегали. Дорога за лето вовсе размокла, кустом-леском зарастать начала. Зверье там бояться перестало.

Вот и думает наш Фролка заднею мыслью, мол, откуда старый-то идет? Деревень вблизи давно нет... Оборачивается Фролка – а нет позади никого.

Пожал плечами Фролка, хлебнул из бутылки квасу для крепости и кнутом воздух стеганул.

Еле дотягала его лошаденка до соседнего села, где ярмарка шла. По лесу густому, да под гору с горы, да чрез речку по мосткам хлипким, ох свет ты мой... Овса в дорогу он взять ей не взял, морковочкой и яблочком не угостил – хотя, вон, из корзин падает!.. Совал под морду ведро с водой и сена клоч, да и все тебе. Как она, стара-тоща, в пути не околела ж ведь!.. Верно, чтоб на обратной дороге хуже Фролке сделалось, а по тому ума прибавилось.

На ярмарке добро-то его скоренько расхватили.

Свое продавал он в полуторную цену, за покупное же торговался до кипяченья. За новый кафтан зеленый чуть ли не дрался.

Ходит Фролка по торговым рядам, медяки-полушки на се-

ребро выменивает, а то и на червонцы. Кошель, главное, за пазухой рукою придерживает. Ходит-прогуливается, из себя весь наиважный.

Когда же коровенку свою рябенку и теле ее допродавал – под вечер-то день клонился – чуть душу из покупателя на последки не выел.

Мужик покряхтел, покряхтел, да и отдал Фролке все деньги. Подавись, аред-крохобора!..

Те, кто мимо шли, видели-слышали все и кляли, стыдили всяко Фролку, а тот отгавкивал лишь в ответ.

Куда деваться мужику-покупателю было, хоть и руки выворачивают... Ярмарка ужо кончалась, дома дети пить-есть просят. И у других то же. Годы не тучные, не урожайные.

Стоит потом Фрол наш за пустым прилавком, довольный, выручку пересчитывает. Вскидывает вдруг глаза и тут, нате вам – напротив, на той стороне улицы под чахлым деревцем старичок тот с дороги лесной, смотрит на Фролку и хмурится.

Хмурится, тяжелые ладони на ореховом посошке сложивши. Головой в шапке качает.

Опустил глаза долу Фролка.

И хочет крикнуть он обидное деду, как видит – подскочила к тому девчонка со щенком да еще ребятишки. А старик пряники им, смеясь, протягивает и конфеты-орехи в ладошки сыплет. Моргнул разок-другой Фролка – нету старичка! Пропал!.. Ребята с собачкой играют те только. Должно,

думает, прохожий какой пред глазами мелькнул и усмотреть не дал.

Стемнело уж, черед домой вернуться.

Не стал Фролка в чужой деревне на ночевку становиться, за деньги свои побоялся. Кафтан зеленый новый в дорогу натянул, едет, кошелек все за пазухой общупывает – не выпали?

Небо со звездами частыми – шелковый шатер над лесом. По осени тоже хорошо ехать, будто и посейчас лето, разве что холодает.

И тихо, смиренно по-ночному вокруг.

Редкий раз хлоп-хлоп крылья вверху – ан нет никого! Шур-шур палый лист в кусточках – опять никого!.. Лошаденка, главное, меряет себе подковами дорогу и ухом не ведет. Так-то она у Фролки на лобу мышь выскочившую шугается, даром что слепа.

В лесу снова шур-шур-шур, плюх-плюх-плюх в ручейке придорожном, хлоп-хлоп-хлоп вверху... Подымает на это голову Фролка – ба!

Темным-темно на небе от стай птичьих! Не счесть не то, что птиц, стай ведь самих!.. А дорогу-то, дорогу! Зверье всяко лесное тенями неясными перебегают, течет потоками речными!

Лошаденка Фролкина встала. Фыркает только, хвостом машет.

Не пугается притом – хотя хозяин ее, дрожа, потея-мок-

рея, на телегу с ногами залазит... Страшно, страшно Фролке. Не кричит, не свистит, не рычит со зверья да птиц никто – оттого страшней! У каждого ум за разум зашел бы!

Но смотрит-смотрит и чувствует отчего-то Фролка, что не съедят его.

Смотрит, куда в лес-то бегут и летят они. А за лесом тем заря золотая, видит наш Фрол, занимается, яркая – глаз не оторвать! Да час для нее неурочный!.. Пожар неужто? Так бежали б от него, не туда!

И ощущение, мол, то ли буря, то ли гроза последняя грядет в этом годе, но деревья стоят спокойно, без ветра.

Любопытно Фролке. Спускается он потихонечку с телеги, мол, разведать бы, поглядеть. Спускается, еле мышей с белками на дороге не подавил.

Спустился и пошел в лес к заре золотой за всеми Фролка.

* * *

В лесу, лесу, лесочке-то!.. От зверья не протолкнуться! Среди сосенок, березок, осинок тут тебе и волки, и зайцы, и лисы, и куницы, все с детенками! Бегут, лапами мягкими перебирают. Рядом же лоси сохатые с лосихами шагают, по кустам шелестят, валежником щелкают.

И кроткие все. Осмелел Фролка, идет себе с ними, пихается, толкается, если мешают ему, но не шипит никто, не рычит, не фыркает. Нет дела им сейчас до человека.

Птицы над Фролкой пролетают сперва наши, здешние –

воробьи там, синицы, совы, вороны, аисты да прочи – а за ними-то, дивится Фролка, батюшки-светы!.. Птахи райские, разные! Синие, красные, зеленые, желтые, пера-убору невообразимого! Большие, малые, средние!

А ручьи полнятся рыбою – и откуда она взялась, как доплыла! Не водилось тут никогда их племени!.. И плывут, плывут рыбы-то, виданные-невиданные, чешуей и плавниками как жар горят. Торопятся, в воде друг дружку перепрыгивают.

Светлеть в лесу будто стало.

Мечтается Фролке, что то клады разбойничьи раскрылись.

«Золото? – думает. – Камни драгоценные?»

Жалеет уже, что мешков или кулей порожних с собой не взял.

Деревья и впрямь как золотые или серебряные стали, солнышком светят. И тепло вокруг. Мох, трава под ногами коврами пышными, узорчатыми стелятся, цветы и вешние, и летние распускаются, ягоды рдеют. Грибочки даже молоденьки показались.

Идет Фролка, озирается. Красота эта даже его проняла, толстокожа.

И вдруг, гляди-ка – поляна широка, круглая прямо перед ним, ровно чаша, хоровод крути какой хочешь!.. Птиц, гада, зверья на поляне – не счесть! В лесу с Фролкой лишь малая часть от них была, как только уместились все!

Костерок горит еще на поляне. Звери вокруг собрались, не шевелятся. Кто лег, кто стоит, огня не боятся.

А у костерка давешний старичок сидит. Суму и посошок ореховый отложил, шапку-зипун снял, в рубахе одной остался. Голова без шапки большая, борода маленькая, а рубаха-то белее месяца – от огня или сама по себе – сияет.

Сидит, значит, старичок на бревнышке и – ох ты ж! – со зверем окружающим говорит. Просто-запросто!

Говорит вроде как человек, словами-словесами, но по-каковски – не разобрать! Должно, по их, по тайному, по звериному... А звери, звери-то все слушают, внимают старику.

Беседы он с ними ведет, сказки ль сказывает, были с небылицами, наставленья передает, поученья – непонятно, им одним, этим, ведомо!..

Фролка, выйдя из дерев злато-серебряных, от удивления так и встал как столб верстовый вкопанный.

Долго ли, коротко стоял-слушал он разговоры старика со зверем – он и сегодня не знает...

А только старичок его, Фролку-то, будто сразу, аж издали приметил:

– Здравствуй, здравствуй, – говорит, – мил-человек... Садись, раз пришел! – И на бревно пустое, свободное у костра показывает.

Не успел опомниться Фролка, как – фьють! – сидит на бревнышке указанном. Спрашивает его тут же старичок:
– Как звать-то тебя?

Фрол назвался.

– Так-так, – кивает старичок, – Степанов сын. Коли здесь ты, судить-рядить тебя буду... Они вон просят! – И на зверье головой качает.

Озирается Фролка. Звери-птицы с гадами, какие есть поблизости – а много их, наши и не наши – головы к нему свернули, смотрят на него неласково, люто. Точно съели бы, будь их воля, склевали, косточки в пыль размололи...

Душа Фролкина к пяткам ушла, язык заплетается, лепечет:

– Да я, да я...

Вздыхает старик:

– Скажи им, Фролушко... Не охотился ты в срока, когда детки у них малые? Оставлял ли подранков? Сети из реки забывал достать? Давил небось гадов лесных озорства заради?.. – Да просмотрел на Фролку как насквозь всего стеклянного.

Похолодел Фролка, вспоминая. Всяко бывало, разно.

– Н-нет, – лицом в стороны трясет.

Кругом засопело злобно, зашипело, в листе на деревьях закаркали, крылами хлопая. Шум-гам. Покивал старичок и дальше спрашивает:

– А с людьми как поступаешь?

Содрогнулась тут земля. То топнул ногою и вышел из племени турьего бык огромный. Ростом в пол-леса, круторогий. Весь красный, как огонь вот в костерке, шкура, блестя,

чищенной медью отливают.

Вышел, встал, копытом яму роет.

– Я скажу, – гудит бык, – как с людьми он поступает. Продал этот меня с матушкой-коровушкой крестьянину одному втридорога, деньги последние у того из кошелька вынул! За кафтан, мол, чересчур отдал, жадничал... А хозяин мой недолгий думал-думал, считал-колебался и, чтоб по миру не пойти, чтоб семья зимой с голоду не померла, за полцены нас мяснику продал!.. Да не спасет только их это!

Совсем расшумелись звери. Кажется, рев и клекот их громогласные не только в деревне родной Фролкиной – на седьмых небесах слышат.

Видит еще Фролка, как расступаются звери-эlefанды, звери великие, как ползут меж их ногами медленно-медленно звери-коркодилы да прочие ящеры омерзительные, животы по земле волочат, пасти бездонные разевают... К нему, к Фролке!

А старичок сидит преспокоен. К иным зверям, помолчав, обращается:

– Что, – спрашивает, – волк-купец, медведь-боярин, с ним поделать рассудите?

– Воля твоя, – отвечают медведь и волк, из своих самые большие-набольшие, – а мы речем: съесть!

– Съесть! Съесть! – рычат и радуются братья их да остальные за ними.

– Я... – Во рту Фролки от такого пересохло. И решился он

со страху на немыслимое: – Я... Я деньги отдам! – И по кошельку за пазухой бьет, отчего свист с шумом только крепчают. – Больше надо?.. Дома ешо есть!

Вздохнул тяжело старичок в ответ.

– Зачем, – смеется, – нам твои деньги, когда у льва-царя шуба золотая, у волка-купца серебряная... А мне ненадобно.

Коркодилы-звери к Фролке ближе и ближе подбираются, в пастях частых зубьев не счесть, а зубы все в три ряда – что ножи острые! Трубит в гневе и зверь-ефанд, сам гора горой, наступит на Фролку, мокрого места не оставит!..

– За добро свое тогда, получается, радеешь? – спрашивает опять перепуганного вусмерть Фролку старичок. – К скоту своему, коему твоя забота положена, как относишься?

Расступилось племя конское, и выбежала оттуда дивная кобылица. Сильная, игривая, цвета жемчужного, хвост и грива до земли кольцами завиваются. Королям-амператорам с картин на такой ездить!..

– Ничего не скажу, – говорит кобылица, – но такой была бы я у хозяина хорошего!

Фролка только рот и раскрыл – не помнил уже, что у лошаденки его масть столь чудесная, всем на зависть!.. Лицо со стыда и досады что огонь в костре пылает.

Земля дрожит, трясется от гнева звериного. Проступают среди прочих звери вовсе людьми невиданные, неописанные, древние, допотопные, размером с города и страны-государства целые, ноги у них длинные, тонкие, шеи или хобо-

ты бесконечны, вместо шерсти на шкурах цветы-травы колышутся. Тоже на Фролку злы...

А старичок все печальней и печальней, да будто меньше становится. Спрашивает он у льва золотого, который по правую руку рядом лежит:

– Как рассудишь его, лев-царь?

Зевает лениво лев-царь – в пасти его Фролка с ногами бы уместился:

– Съесть! – отвечает и зевает еще ширше, усы облизывает. Примеряется...

– Съесть! Съесть! – бушует целый окиян-море звериный.

Пропадет сейчас старичок, оборвется эта ниточка – последняя защита Фролки от дикого разъяренного зверья... Надо бы Фролке ринуться на колени, взмолиться всем им о пощаде, о прощеньи, но кажется ему, что будто закаменел он весь с макушки до пят. Ни моргнуть, ни вздохнуть полной грудью не может, ни даже пальцем шевельнуть – камень придорожный как есть. Только слезка, чуёт, из глаза по щеке катится.

Понимает, что сам, сам виноват, жизнью своей.

Старичок же смотрит ему в мечущуюся душу, преспокойный в игре царящем, пронзительно, все-все до нутра словно зрит. И от того хуже Фролке, муторней, гадок он себе.

Молчал-молчал старичок – а молчал долго – и говорит тихо-тихо, но в игре этом слышно:

– Есть кто, кто за него слово доброе нам скажет?

Но потонули слова – шумят, свистят по-прежнему звери, к Фролке окаменелому готовые прорваться, съесть-растоптать чтоб.

Как вдруг лай смутно знакомый раздался!.. Совсем плохо стало Фролке. Уж лучше б и не выходил никто за него.

То ведь кто-то из детства беззаботного его, с хвостом колечком, ушами торчком:

– ...ваф-ваф! Топить хотели, а не дал! Ваф-ваф! – в свисте-гаме едва слышится. – Уговаривали, боем били, нипочем не отдавал! Ваф-ваф! Собою закрыл и не дал!

Тявкает щенок, друг Фролкин полузабытый – последний, над чьей могилкой горевал и плакал он – и затихают звери. Хочет Фролка обернуться, увидеть его, увидеть напоследки, обрадоваться, обнять, потрепать как бывало!

Ничего ему больше не надо!..

Еле-еле проворачивает шею застывшую – а и нет на поляне позади никого.

Ни птиц, ни гадов, ни зверей! Ни перышка, ни шерстинки! И трава немая стоит...

Фролка на старика обратно – а тот сидит у костерка как сидел, ладошки над огнем потирает, моет, значит. Смотрит на Фролку эдак по-доброму, по-отечески:

– Понял все? – спрашивает, наконец, Фролку.

– Понял, батюшка.

– Все запомнил?

– Все, батюшка, – Фролка отвечает и...

* * *

И опять он на знакомой дороге лесной, пути с ярмарки в деревню. Нет ни старичка, ни поляны заповеданной... В какую сторону в лес тогда шел – неизвестно.

Лошаденка его, стара-тоща, только в темноте как жемчужина речная белеет, травку возле телег Фролкиных щиплет.

Кинулся Фролка к лошаденке. Плачет, ревя ревет, морду ей целует, на колена встает, прощенья просит. Хлеб ей – невиданное дело! – свой отдал.

– Жемчужинка, – говорит, – не шкапа ты.

Утрецом под узды вел ее, жалеючи. На лужах тройку раз даже сам в хомут впрягался, увязшие телеги из глины вытаскивал.

Кафтан свой щегольской изгваздал, изорвал, а кошель, кошель-то, думал, выронил в прореху где-то... Но плюнул и рукою махнул.

А дома нашел. Нашел и мужикам нашим вдруг в оплату деньги из него раздал. И в деревню мужику-покупателю тому часть отослал, с мешком муки, с гостинчиками детям.

И нам, старухам, к ключу вечер, сметаны-творога принес. Другим стал Фролка. К людям, к добру своему, к душе своей. Другим стал...

Был Фролка, будет ныне Фрол да Степанович.

* * *

– ...Потому по-другому с вас спрашивать буду, ежели опять озорничать у него будете, – грозит внукам Бабушка Анея, но спят-сопят на печи давно.

Тихо по избе.

Сыплет снег снаружи, ветер гонит над настом поземку, легкую будто паутинка.

Плишка-кот возвращается из подпола на теплое место обратно – крадется, медленно-медленно. Мало ли снова какой валенок упадет!

Дремлет Бабушка Анея, склонившись к стене, теплой еще от печки. Ровно горит на подоконнике пред ней огонек свечной, только изредка трепещет от незримого чего-то.

Не придет сегодня никто. Тогда, верно, завтра придут...

– Бабушка Анея, – слышит сквозь сон она тихий детский шепот, – а Бабушка Анея?

– Ах ты боже мой! – всплескивает руками, проснувшись, Бабушка Анея. – Чего ж не спишь ты?

Перед ней стоит младшенький из внуков, смотрит распахнутыми глазками, а на руках у него довольно мурчит... Ох, как ни тих был серо-белый Плишка – поймали-таки на полпути.

– Бабушка, – шепчет внук, – а я Плишку за хвост таскал, съест ли меня коркодил-зверь?.. – И гладит кота по лобастой голове. – Я делать так ему не буду, друг он мой.

Помолчав, Бабушка Анея накидывает шаль на внука с Плишкой, обнимает за плечики, укладывает на лавку подле

себя – а хотела ж на печь отослать!.. Развязалось у нее что-то давешнее в груди, упало, разбилось вдребезги. Такое же бывает, когда видишь слабенький росток из просышка, положенного в пашню... И понял ведь все!

– Ну раз сказал... И раз не будешь, – шепчет она так, чтобы слышал только он, младшенький, – то не съест. А раз друг – то заступится, скажет Плишка-котофей слово за тебя. Спи, спи, понятливый.

Засыпает уже на лавке под шалью младший, Плишка рядом рокочет на всю избу. Но вскидывается тут и опять спрашивает:

– Кто это был в лесу, Бабушка Анея?

– Кто то был? – задумывается Бабушка Анея и вглядывается в красный угол с иконами. – А Никола-угодник, батюшка, и был.

И немного погодя, вздохнув, задувает свечу...

Тихо по избе.

Скоро заре заниматься – белой, цвета молока. Придет новый день, придет и следующая сказка.